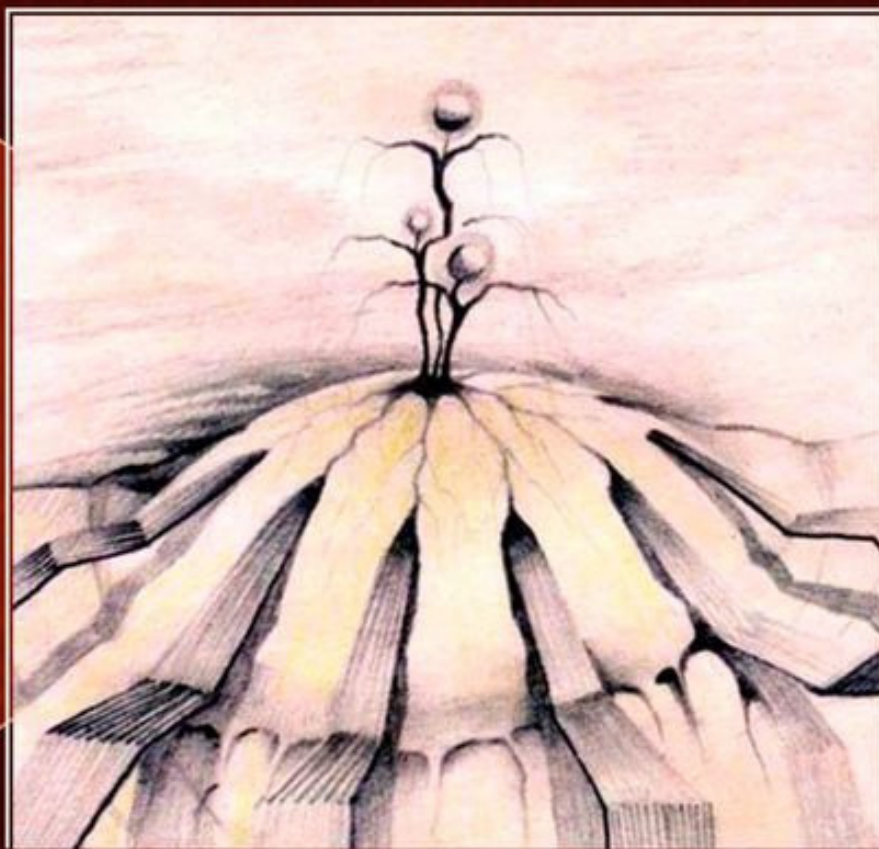

18+

Сергей Кравченко

НОВАЯ КРОВЬ

Кривая Империя IV

1610 - 1689

Сергей Кравченко

**Новая кровь. Кривая
империя – IV. 1610—1689**

«Издательские решения»

Кравченко С. И.

Новая кровь. Кривая империя – IV. 1610—1689 /
С. И. Кравченко — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-565015-3

Четвертая книга проекта «Кривая Империя» посвящена началу правления Романовых. Автор передает современным языком удивительные события Русской Истории в допетровскую эпоху. Сейчас это время мечтатели о прошлом называют Святой Русью... Яркие, драматические, кровавые картины извлечены из академических наслоений, освобождены от политизированных толкований.

ISBN 978-5-00-565015-3

© Кравченко С. И.
© Издательские решения

Содержание

Новая кровь	6
Междоусобица	6
Михаил Федорович и отец его Филарет	17
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Новая кровь
Кривая империя – IV. 1610—1689
Сергей Иванович Кравченко

© Сергей Иванович Кравченко, 2022

ISBN 978-5-0056-5015-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Новая кровь 1610 – 1689

Междуцарствие

И вот, «все люди били челом князю Мстиславскому со товарищи, чтобы пожаловали, приняли Московское государство, пока нам Бог даст государя». Такую присягу принимали эти «люди» первому нашему Временному правительству после изгнания Шуйского. Боярская Дума, конечно, с удовольствием «приняла» Московское государство. Мстиславский – мнимый крестный отец первого Лжедмитрия, пересидевший во главе земства и опричнину, и смуту, и польские наскоки, теперь небось желал на себе убедиться, что нет ничего более постоянного, чем временное.

В присяге обещалось также Василию Шуйскому не кланяться, «а буде выскочит» – гнать в шею. Пока смиренно сидит, то ни его, ни уголовного Дмитрия Шуйского не казнить. А им – в Думу не заглядывать и на боярскую лавку не моститься.

Завершалась присяга второстепенными уверениями и оправданиями, что Василия обязательно нужно было проводить с престола из-за малого авторитета. От этого, дескать, поляки Жолкевского теперь в Можайске, Вор – в Коломенском, ворье с малой буквы – по всей стране. Так что, давайте ополчаться, но не столько из-за неправильного польского управления или бесчинств, как из-за того, «чтобы наша православная христианская вера не разорилась и матери наши, жены и дети в латинской вере не были».

На том и поклялись Господу.

И тут же оборотились скользким двуглавым змием. Первая голова, управляемая Ляпуновым, потянулась к Лжедмитрию, вторая, боярская, стала косить в сторону Жолкевского, вражеского гетмана, но цивилизованного, черт возьми, человека! Не хотелось боярам допускать к Шапке «шпыней» коломенских. Лжедмитрий II, поговаривали, уже раздал своим пацанам все крупные титулы и места. Так что, на место каждого природного боярина в потешном дворе Самозванца уже скалилось по несколько самодельных боярчиков.

По настоящему зову земли русской в единственном лице ее двуличного начальника Мстиславского гетман Жолкевский 20 июля года (в самый день рассылки текста антипольской присяги по городам) двинул из Можайска «защитить столицу от вора», о чем известил москвичей встречной грамотой. Ниже по тексту Жолкевский обещал все делать хорошо и не делать плохо, расписывал европейские преимущества, уговаривал отстать от обычного российского скотства в политике. **1610**

На это в Москве зашелся истеричными воплями патриарх, которому уже мерещилось понижение в чине – в кардиналы какие-нибудь, в епископы, а то и в мальчики при церковной кружке. В жалобную песнь включился и левый полукатолический патриарх Филарет Романов, ныне честный ростовский митрополит. Он залез на Лобное место и стал, срывая горло, оглашать окрестности повестью о том, какие злохитрости католические замышляют поляки против веры православной. Филарету можно было бы и поверить, кабы все не знали, что эти злохитрости он же сам в жизнь и проводил. Так что москвичи плюнули на это дело и разошлись по домам.

24 июля Жолкевский уже кормил коней на травке Хорошевских лугов в 7 верстах от Кремля, а Лжедмитрий штурмовал окраины столицы с противоположной стороны. Жолкевский всё хотел действовать по-доброму, чтобы бояре сами вынесли ему подушечку «с ключами старого Кремля», чтобы, не дай Бог, кого-нибудь из москвичей нечаянно не поранить. Возник

длинный торг. Патриарх кричал, что пусть королевич Владислав крестится по-нашему, а тогда правит. Соответствующее предложение послали к королю в ставку под Смоленск.

Параллельно к Жолкевскому подъехали хлопцы Лжедмитрия с конкретной бумажкой: обещал Дмитрий Иоаннович, как воцарится обратно, завалить короля бабками; всех гетманов, генералов, офицеров и простых ффраеров посполитых башлять 10 лет; в бюджет республиканский ежегодно наливать по 300 000 злотых, королевичу – по 100 000 отступных – тоже ежегодно; Ливонию для Республики завоевать начисто, а против шведов давать по 15 000 войска по первому требованию и по мере траты. Спорные территории отдать полякам – хрен с ними (территориями). Жолкевский такому счастью не поверил и пропустил удивительных послов туда же, к королю под Смоленск.

Торг продолжался до 2 августа, покуда Лжедмитрий не проник вглубь московских окраин. Тогда был составлен так называемый Салтыковский договор (по фамилии автора проекта Ивана Салтыкова, командовавшего русским отрядом в войске Жолкевского). В этом договоре было написано много туманных положений о необходимости волчьей сытости и овечьей целостности. Но цель договора – протянуть время до окончательной отдачи – была достигнута.

27 августа на полдороги между Москвой и польской ставкой произошла присяга московского боярства королевичу Владиславу. В шатрах, среди переносной церковной бутафории, 10 000 благородных резво присягнули иностранному претенденту. На другой день процедура продолжалась уже в Успенском соборе. Тут патриарх грозно порывивал на присягавших, чтобы смотрели, сукины дети, не ополячивались и не облатинивались, его, батьку во Христе не забывали и т. п. Благославивши всех честных бояр и выгнавши в шею из церкви Михайлу Молчанова – Лжедмитриевского антрепренера и годуновского оскопителя, патриарх пошел на честной пир. Там возглашали тосты за нового царя, да спьяну и составили грамотку в провинцию. Дескать, жаль, что вас не было с нами, так мы тут за вас приняли в цари королевича Владислава, который, – гадам буду! – покрестится в греческую веру, как доедет до Москвы.

Русь не поверила и правильно сделала, потому что через два дня прискакал гонец от короля с грамотой. Хотел король сам получить такое большое и славное царство. А то получилось, что сын его становился больше и славнее отца.

Жолкевский и весь его генштаб рассмотрели на месте это дело и решили, что нечего его величеству завираться. Обстановка была такой, что с новыми глупостями к России подступать не приходилось, а от звука «Сигизмунд» ее тошнило еще с позапрошлого раза. Королю ничего не ответили, и стали выполнять Салтыковский договор. Жолкевский соединился с Мстиславским и жестко приступил к войску бродячего гетмана Сапеги, чтобы тот отстал от Самозванца.

Сапега был не прочь. Лжедмитрия почти уговорили убраться на кормление в удел тестя Самбор. Но тут восстала Марина. Слов не хватает выразить ее возмущение. И мы ее понимаем. Столько перетерпеть и нагрешить, чтобы остаться при своих сеновалах, да еще с придурком на шее?! Так лучше уж погибнуть прямо здесь, среди унылых прудов и приземистых красных стен Угрешского монастыря, где Марина и Самозванец отсиживались до поры.

Далее мы наблюдаем сцену рыцарского промысла в стиле Жолкевского, – этот пан не перестает удивлять нас странным поведением. Жолкевский сообщает москвичам свой тайный план. Ночью, стремительным марш-броском войско польское пройдет от Хорошева через центр Москвы, кланяясь Кремлю в потемках. Выйдет за реку, двинет туда, где сейчас Люберцы, найдет место, где сейчас среди горелых гаражей миноборонпромовского городка Дзержинска захламлен Угрешский монастырь. Окружит все это.

Посомневались, но согласились. И так все и было: и ночной марш-бросок, и нетронутые арбатские обыватели, и соединение с войском Мстиславского у калужской заставы, и потное спотыкание по холмам будущей кольцевой дороги, и осада монастыря до петушиного крика. Да вот только сволота московская штабом учтена не была.

Пока войска исполняли полонез на незнакомой местности, по этой же местности, – очень хорошо знакомой, – проскакал некто в лаптях или козловых сапожках. Спасать царя становилось русской привычкой. Лжедмитрий и Марина умотали в Калугу. Расстроенный Жолкевский вернулся в Хорошево.

Тут его догнали русские, «отставшие» от Лжедмитрия. Стали они проситься к его высокоблагородию в службу, если он им оставит титулы, жалованные Лже-царем. Жолкевский было согласился, но бояре столбовые взвыли трубно. Тогда алчные желатели титулов побежали обратно в Калугу, а желатели шкуру сохранить поджали хвосты и согласились командовать, кто ротой, а кто и взводом.

Теперь можно было урегулировать проблему русского престола, чтобы на одном златом крыльце не сидели царь, царевич, король, королевич...

Жолкевский поступил тонко. Кто у нас самый умный и сильный претендент на престол от русских? Князь Василий Голицын. Кто тут больше всех воду мутит? Митрополит Филарет Романов. Ну, так извольте, панове, поехать с великим посольством к королю, – сделаете главное европейское дело, послужите успокоению России.

Купил! Поехали. Конечно, хорошо было бы их по дороге прихлопнуть, но Жолкевский был честен и светел, а в посольство увязалось 1 246 человек – любителей заграникомандировок. И все с оружием и валютой.

Дипломатическая проблема состояла в быстром крещении налево королевича Владислава. Дело пошло неплохо, стали уже готовить распорядок мирной жизни нерушимого союза республик свободных. Но гладко было на бумаге, а о шведах забыли, о половине Лже-России забыли, о внутримосковской оппозиции запамятовали. Поэтому кругом начались бои. Бояре московские в ужасе стали зазывать Жолкевского в Москву. Он было пошел, так патриоты ударили в набат. Он остановился. Бояре большой толпой продолжали уговаривать гетмана. Он сказал, что есть у него нескромное предложение, которое можно высказать только в интимном кругу. Тогда в палатку зашли боярские делегаты. Жолкевский, стесняясь, объявил им о готовности войти в Москву и опасении входить в Кремль. Осквернять, так сказать, католическим жупаном обитель православных ряс. В Кремле у нас любой чувствует себя осажденным Москвой, поэтому Жолкевский предложил стать по окраинам столицы и мирно осаждать саму Москву, заодно заслоняя ее от ватаг Самозванца.

Поляки Зборовского проголосовали против, потому что не получалось добраться до сокровищ Грановитой палаты. Пан Мархоцкий тоже укорял Жолкевского, что он уже три года топчется у московского порога, как стеснительный жених. Паны ушли в обиде. Жолкевский, тем не менее, послал письмо в Москву боярам и попросился на постой в Новодевичий монастырь и окраинные слободы. Бояре дали добро. Патриарх, у которого свое было на уме, уперся: нельзя пускать к монахиням таких усталых кавалеров.

На самом деле, патриарха беспокоил не новодевичий риск, а ускользающая возможность сыграть свою игру. Тут вот что получалось. Царя нет. Наследников нет. Верховная власть у Думы, то есть ни у кого конкретно. Такая власть – мы с вами знаем это и через 400 лет – на самом деле не власть, а один позор и свинство. Эта власть просто валяется посреди Кремля визгливой бездомной побирушкой. И чем больше дней проходит, тем больше вероятности, что кто-нибудь сильный и наглый эту власть подберет, обогреет, умоет и приоденет. И это может быть кто угодно. А власть наша, в натуре, должна принадлежать главному человеку в стране. А кто у нас сейчас главный? Мать моя непорочная! Да это же я, патриарх Гермоген! Я у Бога крайний, я самый перед Богом ответственный работник. Так что другие ответработники должны отвечать передо мной! Вот и народ меня поддерживает.

Действительно, вокруг Гермогена уже сновало множество розовых существ с чуткими рыльцами и торопливыми глазками – «народ»! И стал Гермоген делать важное лицо, стал вызы-

вать бояр к себе. Бояре отговаривались государственными делами и не шли. Тогда Гермоген пригрозил прийти к боярам «со всем народом». Бояре испугались и явились.

Состоялась жестокая схватка за власть.

Гермоген резко говорил против поляков, против Жолкевского, против «правого» крестного знамения. Но конструктивных предложений у него не было.

Думцы, напротив, говорили четко: «Оглянись, святой отец, по сторонам: банды обложили город! Обидишь Жолкевского, – он уйдет хоть сегодня. И ты будешь виноват перед народом, и своим, и нашим. И придется нам всем драпать вслед за Жолкевским – единственным порядочным человеком восточнее Кракова. А в эмиграции накрестишься вдоволь, хоть направо, хоть налево, хоть куда. Так что сиди, в политику не лезь, присматривай за церковью, за сохранностью монастырских кладовых, за превращением старых баб в новых дев».

Тут Историк наш не выдержал и взвизгнул: как они посмели обижать почти святого, «будто бы предание государства иноверцам не касалось церкви!» Едва мы его дотащили до графина... Отдыхавшись, Историк скорбно заключил: «Как бы то ни было, патриарх уступил боярам, уступил и народ». Теперь все стало на свои места. «Лучшие» русские люди зазвали к себе поляков. Чернь московская согласилась с этим, хоть ей и понравилось ставить под успешный купол своего царя. Так что, давайте не будем больше называть ясновельможных оккупантами. *сами*

В ночь с 20 на 21 сентября года Жолкевский тихо вошел в Москву. Расставил войско польское в Кремле, Китай-городе, Белом городе, Новодевичьем монастыре и по дороге домой – в Можайске, Борисове, Верее. **1610**

Был установлен невиданный доселе порядок. Образовались суды из равного количества католических и православных заседателей. И стали эти суды судить бесплатно и до дикости. Вот, например, подвыпивший польский легионер, возмущенный безразличием какой-то местной бабы, стреляет ей прямо в кислую рожу. А в похмелье оказывается, что это не баба, а дева. Да еще – Мария. Да еще – нарисованная на православной дощатой иконе. Ну, и что вы думаете объявляет товарищеский суд хулигану? Пятнадцать суток на канале Москва-Волга? Фигушки! – Отсечение рук и сожжение живьем! Стали тогда жолнержи с деревянными девками полегче. Но и с живыми получалось опасно: ты ее честно уволокиваешь в теплое и сытое место, ласкаешь и тешишь, а тебя секут прилюдно по тем же местам до беспамятства. *C'est l'amour! честно*

Дальше – хуже. Вот уже стрелецкие полки – славная российская гвардия – соглашаются быть под командой пана Гонсевского. Вот они уже учат его пить по-русски, а он их – похмеляться по-европейски. Вот они уже приходят к своему в доску командиру и спрашивают: «Не пора ли, пан генерал, выявить какую-нибудь измену нашему польскому буржуинству?». И еще дальше – вы не поверите! – сам патриарх Гермоген начинает ходить к Гонсевскому пить чай, вести светские беседы о приятности осенних погод, о желательности скорейшего устройства царства божьего на земле и о целесообразности распространения этого царства от Москвы и Кракова – до Акапулько и Биробиджана. А наместника божьего в этом царстве неплохо бы избирать прямым, равным и тайным голосованием в переносных исповедальнях.

Тут вы, дорогие читатели, уж точно теряете из виду ту полупрозрачную грань между исторической достоверностью и авторскими аллегориями, которая до сих пор легко распознавалась невооруженным органом Чувств...

Итак, гетман Жолкевский достиг полного триумфа. Но после логического анализа этих успехов стало нашему пану очень страшно. Судите сами. Армия у него малая, нежная и добрая. Вокруг – медведи, испуганные бояре, враждебная и коварная церковь, уголовный элемент в государственных масштабах, забитый народ, испорченная нравственность. Так что, выходило, – опасность исходит отовсюду и ото всех. Кроме медведей. И все эти заряды неблагополучия готовы рвануть в любую секунду, и что тогда оставалось от победы Жолкевского, третьего

покорителя Руси после Рюрика и Батыя и единственного достойного ее завоевателя за всю историю? Ни-че-го!

И запросился Жолкевский домой. Хотел вовремя выйти из игры.

И уехал пан Жолкевский. И бояре пешком провожали его по Можайской дороге. И простой народ бежал следом, и, забегая перед каретой, рыдал и говорил ласковые слова. И просил остаться...

Жолкевский забрал с собой бывшего царя Ваську с братом-уголовником и еще несколькими Шуйскими, чтобы добавить их к Филарету и Голицыну, отдыхающим в королевском лагере под Смоленском. Хотел-таки обезопасить дело рук своих от новой смуты.

А под Смоленском шли суды да ряды:

– посылать ли юного королевича править Русью?

кого ему приставить в дядьки? –

не испортит ли юношу московская мораль? –

не вспыхнет ли бунт невеста от чего? –

Еще вспоминали времена Грозного, Годунова и Шуйского. Пытались понять логику русских политических решений. И ничего понять не могли.

«Послы» московские – Шуйские, Голицын, Романов – еще больше запутывали дело возращения о вере. Один за другим прошло 5 русско-польских «съездов». Тут подъехал Жолкевский, которому все обрадовались, особенно русские. Они наперебой называли его Станиславом Станиславичем и держали за родного. Следом из России стали приходить вести о шведском наступлении, бегстве 300 бояр к Самозванцу, шатаниях в народе.

Решению всех дипломатических проблем мешал еще не взятый поляками Смоленск, торчавший под боком у лагеря. Из-за упорства Филарета договориться по-мирному не удалось, и 21 ноября начался штурм, превратившийся в долгую осаду на фоне переговоров.

В Москве Гонсевский добрался до казны, начался нормальный бардак, поделили куски разбитых золотых иконных окладов, обиженные при дележке побежали к Лжедмитрию. Казань и Вятка официально перешли под его крыло. Назревало новое столкновение, но нарыв лопнул из-за бытовой случайности.

Памятной ночью бегства царя из Угрешского монастыря в Калугу отстал от него и перекинулся к полякам касимовский царик. Потом этот старик отпросился у гетмана съездить в Калугу за сыном. Поехал, как ни в чем не бывало, воссоединить семью. В Калуге наглого ренегата схватили и показательно утопили в пруду. И пришла беда. Оказалось, что личная охрана Дмитрия Ивановича Лже-второго сплошь состояла из сикхов... пардон, – из татар. Коварные азиаты поклялись отомстить за соотечественника.

11 декабря года они зазвали господина за город поохотиться по насту на зайцев. Убили нашего очередного царя, как зайца, ускакали в свои степи. **1610**

Заячья охота продолжилась в Калуге. Здесь беременная Марина, узнавши от уцелевшего царского шута о своем вторичном вдовстве, стала бегать по городу и взывать к мести. Казаки подняли местных татар в гон. Набили сотни две косых, пожгли и пограбили их дворы. От этих суев Марина по-быстрому родила сына, которого назвали в честь «дедушки» Иваном и провозгласили царем. И Калуга тут же присягнула... королевичу Владиславу.

Но потом зазвучал обратный мотив. Раз нашего царя нет, так и вашего королевича – не хотим! Все сразу стали объединяться, прилежно креститься налево, ругать поляков и дурацкую королевскую Республику, желать нового, настоящего царя.

Объявились истинные патриоты. Прокофий Ляпунов, воевавший за короля, теперь гордо встал за Русь православную, начал переписываться с братом Захаром, находившимся в посольстве под Смоленском. Народ восстал по окраинам за родную столицу. Нижегородцы послали ходоков в Кремль к Гермогену: благослови, батяня, восстать против папской нечисти. Патри-

арх благословил героев – на словах. Документ выдать уклонился за отсутствием Писца. А сам носитель благодати писать как бы и не умел.

По городам пошла самиздатовская нижегородская присяга: поляков бить и гнать, католиков ненавидеть, королевича, впрочем, согласны принять и правильно крестить, нельзя же без царя!

Началось обычное при таком развороте мифотворчество. Наивные ярославцы писали казанским «зайцам», что «свершилось нечаемое: святейший патриарх Гермоген стал за православную веру неизменно!». Воистину – нечаемое!

Опять все складывалось по-старому: вы бейте абстрактного врага христового, а мы уж с вами управимся. Но возмутился Ляпунов: пора же наконец повыбить падаль с небес, прогнать кремлевскую сволочь, предателей и нахлебников московских!

Задело! Ляпунова приняли в вожди. Он собрал «тушинских» бояр, приглубил Заруцкого, спавшего с Мариной, пообещал короновать самозванного младенца Ивана. А под такой аванс и Лев Сапега на целый месяц перебежал обратно от короля к Ляпунову! Дело Дмитрия Иваныча оставалось жить в веках.

Пока Сигизмунд под Смоленском унижительно торговался с осажденными, Россия загуляла вовсю! Началась неразбериха. Бывшие «воровские» города по смерти Вора присягнули королевичу, но бродячий польский отряд Запроевского напал на них и выжег союзников. Запорожцы Гонсевского осадили Ляпунова в Пронске, но его выручил Пожарский. Потом Исаак Сумбулов осадил Пожарского, но был бит. Уже никто не понимал, кто за кого и против кого.

Всех манила пустая Москва. Туда, как в водяную воронку, устремились полки со всей страны. Видя гибель государственного устройства, бояре во главе с Салтыковым явились к патриарху и стали требовать, чтобы он вернул вспять всех, кого накликал на Москву своими устными призывами. Но патриарх надулся, обозвал Салтыкова изменником, сообщил о непрерывной тошноте при звуках латинских песнопений, мерещившихся ему в Кремле. Патриарх, таким образом, тонко почувствовал тот неуловимый момент, когда воровской бунт, пьяный разгул, бандитский «гоп-стоп» превращаются в порыв революционных масс, народное воодушевление и справедливое возмездие соответственно. Теперь патриарх готов был даже умеренно пострадать. Ну, так его и посадили под домашний арест.

Великого Жолкевского не было, и в городе началась истерика.

Полякам стало страшно многочисленности русских и малочисленности своих. Они на всякий случай стали отнимать у прохожих оружие. Дошло до изъятия топоров и ножей в скобяных лавках. Последовал запрет на ввоз непиленных дров – длинные жерди годились на пики. От страха стали паны выпивать. Суды не действовали, – по женскому следу можно было скакать смелее. Любовь русских хозяев и польских гостей сменилась подозрительностью и ненавистью. Поляки заперлись в Кремле и монастырях, святотатственно потащили на стены пушки. Ляпунов подходил к городу, и бояре пытались спровоцировать польских друзей на упреждающий удар.

17 марта, в Вербное воскресенье, патриарха собирались выпустить на время – для исполнения роли Христа, въезжающего в Иерусалим. Гермоген должен был прокатиться на ишаке вокруг Кремля и въехать на соборную площадь. Москвичи при этом, за неимением пальмовых ветвей, размахивали бы веточками вербы. Распространился слух, что святейшего кто-нибудь обязательно убьет. Верующие, то есть все, не пошли «за вербой». Но лавки открылись, базар на Красной площади зашумел. Тут некий Козаковский из хозяйственных служб стал заставлять базарных извозчиков помогать полякам затащить пушки на башни, очень уж это было высоко и неудобно. Возникла склока и крик. Восьмитысячный отряд немецких наемников из кремлевской комендатуры недопонял, чего кричат по-русски. Подумали, что началось.

Ну, и началось! Немцы стали рубить всех подряд. Туда же влезли и поляки. Убили 7 000 мирных обывателей, убили старого князя Голицина, сидевшего под стражей. В Белом

городе русские успели подняться в ружье. Ударили в набат, стали строить баррикады. А тут, откуда ни возмись, на Сретенке оказался Пожарский. Он загнал поляков и немцев в Кремль и Китай-город, окружил их заставами.

Поляки – вот Европа несмышленная! – решили «выкурить русских из Москвы». То есть, вы представляете: наши везде вокруг, а немцы с панами – в Кремле и начинают жечь хату через прутья мышеловки. Агенты несколько раз палят отдельные деревянные здания, Салтыков сам зажигает свой немалый терем. Сначала горит плохо: март! Но потом вдруг загорается. Поднимается страшный ветер, занимается вся Москва за исключением Кремля и Китая: ветер дует с реки. В общем, можно подумать, что это обитатели дурдома по-своему играют в пожар Московский при Наполеоне.

Теперь, следуя той же логике, нужно было выкуривать москвичей из Замоскворечья. Запалили. Потом напали на блок-посты Пожарского, сильно поранили нашего героя, и он отправился помирать поближе к Богу – в Троицу. Тут ударил страшный мороз. Погорелые обезумевшие москвичи вышли в чисто поле: в городе больше негде было жить. Москвичи запросили пощады у Гонсевского. Он простил их и велел прощенным для пометки подпоясаться белыми полотенцами.

Пасху встретили спокойно. Но в понедельник к городу подошло наконец стотысячное ополчение Ляпунова, усиленное «бронетанковыми» ударными частями – гуляй-городками. Осада Китай-города началась 6 апреля. За два месяца осажденные изголодались, обносились, да и всего их осталось меньше 3 000. Решили они тогда взять русских на испуг. Распространили слух, что помощь на подходе, и 21 мая стали салютовать, как бы приветствуя гетмана литовского Ходкевича. Настрелявшись, легли спать. Ночью начался русский штурм, и за день все было благополучно кончено.

В Смоленске канцлер Сапега решил обмануть пленных «послов». Он сказал им, что русские в Москве восстали, были все перебиты, столица сожжена, остатки москвичей разбрелись бунтовать по всей стране, и нельзя ли их как-нибудь успокоить? Послы закручинились и отвечали, что единственное верное средство – это чтобы король шел себе в Польшу. Сапега стал соглашаться, но только если русские уступят самую малость: впустят королевское войско в Смоленск погреться. Послы уперлись. Их ограбили до нитки и повезли в Польшу на речной посудине под стражей и без почестей.

Тогда уж стали поляки штурмовать Смоленск. Как водится, предатель Дедешин указал им слабое место стены, туда ударили пушки. Ночью 3 июня поляки вошли в пролом. Воевода Шеин встретил их с саблей на раскате и гордо заявил, что умрет за родину и православную веру, что будет биться до последней капли крови, но не сдастся никому... ипехотинцев. Пришлось пану Якову Потоцкому лезть на раскат, царапая сапожки обломками стены, и брать в плен гордого полководца. *з рядовых*

Защитники Смоленска, видя гордость начальника, решили поддержать его. Их оставалось по причине голода и цынги всего 8 000 из 80 000. Они сдались еще более уверенно.

А жалкая горстка мирных обывателей, зачумленных проповедями о греховности правого креста, заперлась в церкви Богородицы, запалила скрытый там пороховой погреб и взлетела к Отцу небесному.

Поляки так обрадовались взятию проклятого Смоленска, что не выдержали и вместо продолжения кампании впали в торжества. 29 октября года был изображен триумфальный въезд гетмана Жолкевского в Краков. В карете везли «царя» Василия Шуйского с братьями. Василий был одет в мантию и копию Шапки Мономах. Жолкевский произнес торжественную речь, в продолжение которой Шуйские не устали кланяться в ножки, целовать польскую землю и проливать горькие слезы в соответствии с текстом Жолкевского. Пан гетман, впрочем, был верен себе. В конце речи он попросил короля быть милостивым к пленным властителям России. **1611**

Бояре польско-московские прислали королю поздравление, горько посетовали на упорство Шеина и смолян, поплакались, что новгородцы посадили на кол Ивана Салтыкова за польскую службу его отца, в общем, справедливо жаловались на свой непонятный народ.

От такого представления у панов и вовсе вскружилась голова. Они думали, что все у них хорошо и королевская Республика теперь необъятно раскинется от миллиметровых германских границ до немеряных сибирских лесов на полглобуса.

А в Москве ополченцы настраивали новый быт. 30 июня года состоялся земский съезд, который избрал правительство – революционную тройку из двух «тушинских» бояр – Трубецкого и Заруцкого и настоящего думного дворянина Прокофия Ляпунова. Народный «приговор» новым начальникам содержал пункты о необходимости все, ранее реквизированное, отнять и поделить по-честному. Чего успела церковь нахватать, того не трогать. Был быстро и в общем-то неплохо составлен распорядок жизни без царя, объявлена амнистия боярам да дворянам Шуйского и Самозванца. **1611**

Новый триумvirат сразу вспыхнул взаимной ненавистью. Не будем разбирать, кто кого и за что не полюбил. Мотив понятен. Каждый хотел быть царем, чтобы не советоваться, а покрикивать, не утверждать казенные расходы, а «иметь» казну и ходить в Шапке.

Ляпунов написал «приговор» против уголовных ухваток казачества. Казачьи «бояре» Трубецкой и Заруцкий решили его убить. Гонсевский с кое-каким войском спокойно находился в Москве и ускорил дело. Он написал грамоту от имени Ляпунова с приказом «где поймают козака – бить и топить», умело подделал подпись и подsunул фальшивку казакам. Собрался сход, Ляпунова вытащили в круг и, несмотря на оправдания, зарубили. Партия трижды покойного Дмитрия Иоанновича снова торжествовала.

Вскоре из Казани привезли чудотворную копию не менее чудотворной иконы Божьей матери. Сейчас считается, что она прекратила «польское нашествие», но в году на глазах у Приснодевы пролилась немалая кровь. Дворяне да бояре приоделись встретить гостью, людей посмотреть, себя показать. Лжедмитриевская черная сотня возмутилась, чего это они выпендриваются, как при старом прижиме? Началась резня. Дева Казанская не успевала водить деревянными глазами за бегущими туда-сюда и дерущимися насмерть православными. Хороша встреча! **1611**

Уцелевшее боярство да дворянство из ляпуновской партии разбежалось по стране. Самые находчивые купили у Заруцкого места губернаторов и умотали в провинцию «навerstывать заплаченные деньги».

Тем временем шведы взяли Великий Новгород. Наш знакомый Делагарди стоял под городом и торговался с послами московскими, на каких условиях дать им в цари шведского королевича. Новгородцы от скуки запили, стали вылазить на стены, ругать шведов по-русски. Один храбрец по фамилии Шваль даже упал в плен. Когда протрезвел, поступил в соответствии с фамилией: в ночь на 18 июля ввел шведов в город через забытую дырку в заборе. Войско московского посла Бутурлина поспешно отступило из города, ограбив новгородцев, «чтоб не оставлять добра врагу». Местные под водительством протопопа Аммоса, бывшего как раз под церковным «запретом», геройски сопротивлялись, но погибли в огне. Митрополит Исидор, наблюдая подвиг Аммоса, посмертно простил героя и принялся за переговоры с Делагарди о шведском королевиче.

В Москве поляки осмелели, получили подкрепление, – Сапега пришел к ним с продовольственным обозом. Потом подошел-таки Ходкевич с 2 000 пехоты и захватил Белый город. Москва была почти взята, но Сапега разболелся и 14 сентября умер в Кремле. Потоцкий и Ходкевич заспорили, кому считаться покорителем Москвы, погода испортилась, русские наконец сосчитали, что поляков совсем мало. Ходкевич отступил под Ржеву. Оставшимся полякам Гонсевский стал начислять большие деньги за стойкость. Самих денег пока не было, но он положил залог из кремлевских сокровищниц. Среди заложенного имущества было седло Лжедмитрия

I – все в алмазах, две короны – Годунова и Самозванца, посох царский единороговый с камнями, несколько заготовленных впрок рогов и копыт чудесного зверя единорога, «которые тогда ценились очень дорого», а сейчас из-за дурной экологии перевелись вовсе...

Надо сказать, что единорог в Европе считался явлением мистическим, вроде эльфа, феи, гнома. Встреча с единорогом была столь же редким явлением, как, например, – с архангелом Гавриилом. Последствия от встречи оказывались столь же существенными и удивительными. Иметь единорога в придворном зверинце было высшим кайфом. Для достижения этого кайфа обычно использовалась чистенькая белая лошадка, на голову которой придворный колдун умудрялся прикрепить чей-нибудь рог, естественно, позолоченный...

В Кремле еще оставалось немало «настоящих» бояр. Они не уставали писать жалобные призывы королю Сигизмунду III, чтобы он пришел и правил.

Из Троицкой лавры братия распространяла по Руси призывы восстать за Москву. Уместнее было бы благословить народ патриарху, но Гермоген сидел в Кремле под арестом, Игнатий – патриарх Лжедмитрия Первого – сбежал в Польшу. Поэтому писали архимандрит троцкий Дионисий и келарь Авраамий Палицын.

Восстание на этот раз началось в Нижнем. Темой восстания было: установить на Руси русский порядок любой ценой. Самым незапятнанным и праведным среди нижегородской верхушки оказался мясник Кузьма Минин Сухорукий. Фамилия героя на нашем памятнике у храма Покрова указана неправильно. Звали спасителя – Кузьма, это факт. Уменьшительное его было Минин. Правильное отчество, скорее всего, Дмитриевич или Минич. Но был он человек полуподлый, отца его кликали Минькой. А настоящая фамилия Минина была Сухорукий.

отчество

Когда «лучшие» нижегородцы узким кругом слушали чтение троицкой грамоты, Минин встрял со своим рассказом. Хоть и был он практически честен, но поперед заворовавшихся и трижды изменивших князей да стряпчих ему вылазить не приходилось. Поэтому выразился он иносказательно: «Святой Сергей явился мне во сне и приказал возбудить уснувших; прочтите грамоты Дионисиевы в соборе, а там что будет угодно Богу». Стряпчий Биркин, успевший послужить по кругу: Шуйскому – Тушинскому Вору – Шуйскому – Ляпунову, хотел перехватить инициативу и стал отговаривать от собирания толпы и публичного чтения: как бы чего не вышло. Минин принародно назвал его «сосудом сатаны», и на другой день грамота была читана всем нижегородцам. Минин выступил с пламенной речью в чисто русском стиле: «Захотим помочь Московскому государству, так не жалеть нам имущества своего, дворы продавать, жен и детей закладывать и бить челом – кто бы вступился за истинную православную веру и был у нас начальником».

Случился коллективный энтузиазм. Все стали отдавать по две трети имущества неведомому начальнику, треть – оставлять себе, чтоб не сдохнуть. Конечно, некоторые не хотели вступать в колхоз добровольно, – у этих все отняли силой. Оставалось найти хорошего человека, чтобы он народные денежки потратил с умом. Неподалеку долечивался от боевых ран выживший под сенью святой Троицы князь Дмитрий Михайлович Пожарский. Минин с ним списался, договорился. Послы нижегородские приехали Пожарского официально пригласить. Пожарский поставил свое условие: чтобы при нем был кто-нибудь из гражданских для призора за казной. Наивные нижегородцы намека не поняли и отвечали, что нету, дескать, во всем Нижнем Новгороде такого ученого человека. Как, нету? – настаивал князь. – Есть у вас Кузьма Минин... ему это дело за обычай».

Вернувшись, послы стали уговаривать Минина. Он поломался «для укрепления», затребовал письменного обещания повиноваться и неустанно собирать деньги на войско. Еще Минин вписал в «приговор» свои любимые слова о необходимости закладывать жен и детей и отправил ценный документ на хранение Пожарскому, так как боялся оставлять эту бумагу у себя.

В других городах желание восстать против безвластия тоже присутствовало, но вождей не доставало. Поэтому в Нижний пошли письма и поскакали гонцы с просьбой принять пополнение под княжескую длань.

Навстречу понеслись нижегородские грамоты обычного содержания, подписанные Пожарским, Биркиным и кем угодно, кроме Минина.

Стали собираться войска. Первыми пришли полки из Коломны под командой бывшего королевского наместника Сукина с его таким же сыном. Потом пришли рязанцы и прочие. Потом часть откололась с дьяком Шульгиным и тем же Биркиным, желавшими старшинства.

Появились наконец и новые цари Дмитрии Иванычи – во Пскове и Астрахани, где подобрал кого-то, внешне похожего, убийца второго Самозванца татарский князь Петр Урусов. Псковского безымянного вора казаки притащили в подмосковный стан и быстро ему присягнули.

Бояре московские стали уговаривать Русь спастись от бандитов, не бунтовать и идти под королевича Владислава. Но нижегородскую мобилизацию уже остановить было нельзя. Пожарский взял Кострому и Ярославль в начале апреля года. Весь поход Пожарского проходил на фоне усиленного обмена грамотами с губерниями провинциальной России. Под грамотами ставили свои подписи начальники похода строго по чину: сначала боярин Морозов, потом боярин Долгорукий и т. д. Десятым подписывался главнокомандующий князь Пожарский. И только на пятнадцатом месте «в Козьмино место Минина князь Пожарский руку приложил». За Мининым шли бывшие предатели, перебежчики, раскаявшиеся князья да бояре, всего 34 человека. **1612**

По сути, войны никакой не было, – образовался огромный весенний снежный ком, который то ли докатится до первопрестольной, то ли растает по дороге.

20 мая вконец запуганные сторонники третьего Вора повязали своего кандидата и 1 июля отвезли его в Москву. Заспешил туда и Пожарский, он получал вести, что казаки добивают в Подмоскovie последних дворян да бояр. 14 августа Пожарский ночевал под Троицей и сильно сомневался, идти ли дальше. Его не пугали поляки в Москве и войско Ходкевича в Рогачеве. Он боялся казаков. Гражданская война могла вспыхнуть не на шутку.

18 августа войско выступило при чудесном знамении. В лицо колонне, подходящей под благословение архимандрита, ударил ураганный ветер. Настроение у бойцов упало, но когда все перецеловали золотой крест Дионисия и окропились святой водичкой, ветер переменился и погнал войско на Москву, так что нельзя было даже оборотиться на златоглавую святыню. Опять, как на Куликовом поле, Богоматерь умело управлялась с погодой.

Вечером того же дня Пожарский стал лагерем под Москвой. Рядом располагался табор казаков Трубецкого. На призыв братишек пристать к их ватагам Пожарский ответил лозунгом: «Отнюдь нам с козаками вместе не стаивать!» Простояли отдельно, но мирно три дня. 21 августа на Поклонной горе появились войска Ходкевича, опять идущего на подмогу малочисленному кремлевскому гарнизону. 22 августа Ходкевич переправился через Москву-реку и напал на Пожарского. Дело оборачивалось в пользу гетмана, но казаки плюнули на распри и классовую неприязнь и переправились на помощь ополчению. Ходкевич отступил. Ночью 400 возов еды и 600 человек польского конвоя с проводником-предателем Гришкой Орловым почти проехали в Кремль, но были перехвачены ополченцами. 23 и 24 августа все стычки с польскими отрядами были Пожарским проиграны. Поляки на радостях вывесили свои пестрые знамена на церковных куполах св. Климента. Казакам это не понравилось, они напали на польский острог, захватили его, но заметив, что бояре Пожарского спокойно наблюдают за боем, плюнули с досады и пошли к себе в лагерь. «Дикари!» – проворчал Историк.

Без казаков ничего не получалось. Тогда наш славный Писец, троцкий келарь Палицын стал ходить меж кострами и уговаривать станичников бросить азартные игры, пьянство, разврат и постоять, в конце концов, за истинную веру.

– А чего? И постоим, – отвечали Аврамию шаткие бойцы. Сначала один отряд, потом другой, а за ними и все таборы казацки поднялись в бой. Минину стало неудобно, он выпросил у Пожарского три дворянские сотни перебежчика Хмелевского, переправился через реку там, где сейчас Крымский мост, напал на гетманский стан и в жестоком бою перебил 500 человек из малочисленного гетманского войска. Гетман отступил на Воробьевы горы. К утру он уже бодро маршировал на Можайск.

В осажденном центре Москвы было голодно, самые небрежливые «люди литовские» уже варили в полевых кухнях и поджаривали на кострах части тел, ненужные павшим сослуживцам.

Трубецкой и Пожарский надолго заспорили, кому ездить с докладом, а кому важно восседать на месте. Пока Дионисий их уговаривал и мирил, в Кремле стало совсем худо. 22 октября казаки пошли на приступ и взяли Китай-город. Кремлевские бояре взмолились к Пожарскому, чтобы «пожаловал, принял их жен без позору». Пожарский лично у ворот встретил княгиню да боярыню и отвел их под присмотр и на кормление к Минину. Казаки чуть не задохнулись от такой наглости. Одни, значит, годами без баб белую кровь проливают, а другие сидят на народных деньгах, в бою их не видать, спят в теремах и не в одиночку, так еще законной добычи не дают! А ну-ка, мы этого Пожарского уьем! Но покричали, погорячились и успокоились на простых московских девках.

Кремль решил сдаться. Сперва под гарантию жизни выпустили «русских людей» – бояр Мстиславских, Воротынских и прочих. Казаки, в натуре, хотели их порубать. Ополчение Пожарского встало стеной за родную сучью власть. Бояре были уведены в хорошие места «с большою честью» (!). Потом сдались поляки. Их пришлось поделить. Наши казачки свою долю военнопленных, конечно, поубивали да пограбили. А те, кому повезло попасть к союзникам, были обласканы, напоены и накормлены. Пытали только казначея Андропова, куда девал кремлевские сокровища? Недолго мучился Андронов и выдал шапки царские, кое-какие камушки, всякую мелочь. Куда подевались рога и копыта волшебного зверя, в «пытошном» листе не сказано.

Надо было праздновать победу. С двух разных концов Москвы двинулись в Кремль два крестных хода. Один с Пожарским и ополченцами, другой – с казаками Трубецкого. Из Кремля им навстречу вышел третий, чисто поповский, крестный ход с известной нам Владимирской богородицею. Москвичи все взвыли от радости и попадали на колени. Они уж и не чаяли увидеть вновь прекрасный лик. Тут бы Пожарскому подойти к Матери и сыграть сцену в стиле Годунова – «Зачем ты, Дева, меня, недостойного, тащишь в цари?...» Ну, нет, конечно, не посмел. Скромн и политически недалек был наш Дмитрий Михалыч.

Вошли в Кремль, безглаголиво перешагивая через коричневые пирамидки, оставленные оккупантами. В церквях стояли чаны с недоваренной человечиною, поэтому все слова с намеком на еду вызвали у победителей немедленную рвоту. Но «обедню» все-таки отслужили. Хорошо, что Пасха миновала, а то какие могли бы случиться неприятности при вкушении «тела Христова»?!

Упустивши шанс с мадам Владимирской, Пожарский поселился теперь на Арбате в окуджавской меланхолии и ездил в кремлевский дворец Годунова – к Трубецкому с докладом. От сих пор карьера Пожарского тихо угасала и окончилась, как началась: в компании мясника Минина-Сухорукого под Кремлевской стеной. Да и то, когда нужно было строить действующую модель египетской пирамиды, князя со товарищем попросили подвинуться. – Куда? – удивленным дуэтом спросили бронзовые от негодования Минин и Пожарский. – К богу! – заржали лихие людишки очередного самозванца, задвигая памятник вплотную к храму Василия Блаженного.

О Русь! Блаженна еси!

Михаил Федорович и отец его Филарет

Казаки постепенно рассеялись по стране для грабежа, бывали биты и стали как бы не опасны. Польская Республика грубо вытолкала короля Сигизмунда III на Москву, – нечего, пан король, нежиться! Русь замерла. С королем никто из панства не пошел, но странный монарх добрался-таки с парой тысяч немцев до Волоколамска. И отсюда уже честно бежал восвояси. Русь ликовала. И можно было выбирать царя.

Готового решения на этот раз не имелось, и поэтому съехавшийся земский собор угостили для начала трехдневным постом. Потом началась нормальная коллективная работа. Сначала был поставлен вопрос, чьих у нас будет царь? На волне патриотизма решительно высказались против польских, шведских и прочих немецких королевичей с малейшим акцентом негреческой веры. Четко обозначили отказ Маринке и ее подкидышу, буде они еще объявятся. Стали выбирать из чисто русских. Конечно, возникла дикая свара, как на лесной лужайке в злопамятном году – вот уж ровно 750 лет назад. «Всякий хотел по своей мысли делать, всякий хотел своего, некоторые хотели и сами престола, подкупали и засылали». Чувство никак не притуплялось. **862**

Собор шел в отсутствие многих матерых бояр, – Мстиславского и прочих, – они не успели еще добраться по грязи и снегам из своих поместий и укрытий. Нужно было пошевеливаться, пока не налетела главная сволочь и не поворотила все по-своему. Нужен был тихий кандидат. Поэтому некий представитель города Галича выступил вперед и заявил, что ближе всех к царскому роду находится юный Михаил Федорович Романов...

Отцом выдвинутого малого был Федор Романов, он же – племянник царицы Анастасии, он же – двоюродный брат настоящего царевича Дмитрия и двинутого царя Федора Иоанновича, он же – митрополит Филарет подельник Годунова на 50% доле, он же – униатский лже-патриарх Московский и всея Руси от Лжедмитрия Второго и гетмана Сапеги, он же – смиренный чернец, митрополит Ростовский, сидящий в польском плену, которому теперь за монашеством ни половины власти не светило, ни фигурочки. Вот и посчитали Филарета неопасным...

Итак, незнакомец из Галича уверенно предлагает мальчишку в цари. В делегациях ропот недоумения. Но многие справедливо полагают, что тут не без подвоха, и помалкивают. Тут вступает как бы оппозиция. Некий донской атаман торжественно подает в президиум грамоту. «Что это ты подал, атаман?» – с подходцем спрашивает князь Пожарский. «О природном царе Михаиле Федоровиче», – чеканит станичник. Тут же несколько делегатов наперебой кричат, что раз уж волки и овцы единоголосны, так значит здесь – истина! Собор быстро голосует буквально, не карточками или партбилетами, а криком. Сразу оформляется протокол. Немедленно скачут гонцы во все края. И когда забрызганный санный «поезд» Мстиславского въезжает-таки в Кремль, его в воротах обгоняют эти же гонцы, летящие обратно с единодушным одобрением правильного решения всей необъятной страной. Четко!

21 февраля года, в первое воскресенье Великого поста, состоялся последний собор, на котором были собраны письменные мнения делегатов – все единогласно за Михаила. **1613**

Тогда рязанский архиепископ Феодорит, знакомый наш Писец Авраамий Палицын, новоспаский архимандрит Иосиф и боярин Морозов поднялись на Лобное место и квартетом спросили у народа, кого он хочет в цари. «Михаила Федоровича Романова!» – дружно закричал понятливый наш народ.

Тут выяснилось, что «никто не знал подлинно, где находился в это время Михаил». Тогда определили общее направление на Ярославль и послали в розыск шумную команду во главе с давешними лобными ораторами. Были подготовлены грамоты и разыграны варианты. Если Михаил и мать его Ксения (в монашестве – Марфа) упрутся с первого раза, то умолять по годовиковскому сценарию, а если смекнут, что воцарение Михаила – это верные канты пленному

папаше Филарету, то успокоить заверением, что уже собран целый кулан знатных литовских карасей. И всех их, а также всех простых пленных, отдадут немедля за одного Филарета. И что предложение меняться королю уже послано.

И понеслась! 25 февраля года разослана по городам грамота об избрании Михаила. 2 марта разведчики отправились в свободный поиск. 4 марта в Москву посыпались доклады от воевод и градоначальников о поголовном признании Михаила на местах и свершенной мас-совой присяге. 13 марта команда Палицына уже была в Костроме и точно знала, что Михаил с матерью сидят в Ипатьевском монастыре. На другой день составилась крестный ход, и все двинулись в монастырь. Увидав такое чудо, Михаил с матерью и монахами вышли поглазеть на шествие. Они будто бы не знали, от чего сыр-бор. А как узнали, так стали четко играть по Годунову. Михаил «с великим гневом и плачем» стал отпираться. Мать его Марфа кричала, что не благословляет и проч. **1613**

Я застыдился было настаивать, что мать Марфа кривила душой. Ведь только что другая Марфа три раза подряд похоронила сына Дмитрия. Новая Марфа сама едва успела упокоиться во Христе и остыть от беспокойного мужа, как в Москве людей стали есть поедом в прямом смысле и без соли. И теперь отдать своего мальчика в Москву? Хоть и в цари? Нет, это получалось страшнее, чем сейчас в армию.

Ну, так наши делегаты почти силой заставили монахиню с сыном пойти за ними в церковь под неусыпное око господне. Ну, хоть послушать, чего и как. В церкви были читаны грамоты. Тут Марфа так точно стала следовать тексту пьесы, что я успокоился. Все нормально, старик! Все в порядке!

Марфа напирала на измену бояр Годунову, которого они вот точно так же «уговаривали», потом – Шуйскому, которого они предали, потом – Лжедмитрию, которого они же убили. Далее Марфа углубилась в экономику и пошла-поехала: государство разорено, деньги разворованы, границы дырявые, госслужащие без зарплаты который месяц. Как же тут царствовать?

Понятно, мать хотела сыну новенького, чистенького царства, сверкающего, как пасхальное яичко Фаберже. Эх, мать! Ты ж еще не знаешь, что стырили рога!

Бояре продолжали гнуть свое: и Годунова они взаправду не звали, – это все была игра; и Лжедмитрий был царь не настоящий, а настоящего Дмитрия – как, вы не слыхали? – Годунов убил собственной рукой; и черта лысого Васюку народ выбрал в цари спьяну и «малым числом». Но ваш Миша будет, как раз наоборот, – всенародный, законный, хороший царь. Звучало неубедительно, но утомительно – с 3 пополудни до 9 вечера.

Тут настало время вечерней сказки. И попы да бояре рассказали Мише, как один балованный мальчик в одной гадкой стране не слушался старших и отказывался мыть руки, кушать кашку и быть царем. И добрый боженька «взыскал на нем конечное разорение» той блудливой страны, сделал мальчика горбатым уродом, а маму, дурно воспитавшую сына, лишил родительских прав и превратил в жабу! – А папу? – не успел спросить Миша... – А что папу? – страшно хрюкнул розовый сказочник. – Папу рогатые панове извлекли из холодного и голодного плена и утащили в жаркую преисподнюю принудительно кормить расплавленной серой через кружку Эсмарха. Все! Конец сказки, малыш. Тебе уже шестнадцать? Теперь будет взрослое кино!

Тут Михаил согласился, принял благословение мамы, получил у архиепископа посох, допустил всех поцеловать ручку, пообещал приехать в Москву. Скоро.

И сразу ударил гимн России. Вернее, увертюра композитора Михаила Глинки к опере «Жизнь за царя». И с первыми утробными басами и сопрано на лопухого слушателя полились ушаты художественного вымысла. Примерно вот такие. Будто бы народный герой Иван-не-знаем-как-по-батшке-Сусанин был вызван из села Домнина к польским полицаям и спрошен о месте нахождения царя. А о царя Михаиле извергам будто бы стало известно уж не иначе, как от предателя в партизанском отряде. Или Кремле. И тогда Сусанин устроил гадам проверку на дорогах. Повел он их в буреломы костромские, куда потом и дед Мазай зайцев не гонял.

А эти остолопы все шли и шли за ним. А потом он сказал им, что привет, панове, извольте на мазурку! А они его стали пугать страшными пытками. А он им сказал, ну что ж, пытайте, фашисты, ничего вы не узнаете, и дороги я вам не покажу! Тогда паны стали спрашивать, с чего это в русском народе такая крепость и сила, что последний деревенский, неграмотный мужик готов положить жизнь за царя, а пути к нему не указать? «А с того, господа оккупанты, что я и сам на хрен заблудился! – хотел сказать Сусанин, но гордо промолчал. Так и убили поляки Ивана Сусанина, а потом и сами замерзли. И их замерзающих, но еще живых, жрали наши родные православные волки! Кода.

Но все это невская ложь.

Первоначальные слова оперы – по-научному либретто – были такие.

Поляков в костромской глухомани уж давным-давно не водилось. А были там казаки-разбойники, которые после взятия загаженной Москвы и облома с боярскими дочками ушли на север грабить, жрать, пить, удовлетворять на просторе другие уставные надобности. И узнали эти добрые люди от своих людей в преисподней... пардон, в первопрестольной, что выбрали в цари пацана. И пацан этот где-то тут, под Костромой. И стали бандиты у всех спрашивать, как бы этого царя взять в заложники, а потом сменять хоть на лимон баксов. Им хором отвечали, что никто не знает, а знает только Ванька Сусанин, но никому не говорит. Тогда казаки потащили Ваньку в круг, сначала для протокола спросили по-хорошему, потом стали жечь и рвать его: где царь, мужик?

– Не знаю, – честно отвечал Сусанин. Тогда они его убили. Вот теперь – кода!

А как же поляки? Куда делся скаутский рейд по сугробам? Где народный хор с бубенцами? Увы, не было.

Поляков подставили вместо казаков за то, что, когда Глинка все это писал, казаки как раз строились в лейб-гвардейский конвой вокруг действовавшего тогда царя – потомка Миши, не дорезанного их предками. Вот вам и опера. Чего ж тут удивляться, что нынешний гимн России – без слов?

А Сусанин-то все равно герой? Герой! Так по делам и слава. Берем оперу «Жизнь за царя» и переименовываем ее в одноименную оперу «Иван Сусанин» на целых 80 лет.

19 марта года, как раз в мой день рождения, но по старому стилю, выехал Михаил из Костромы. 21-го прибыл в Ярославль, тут стали пить да гулять, неторопливо пересылаясь с земским собором уверениями в совершенном почтении, и чтоб вы, дорогие москвичи и прочие, крепко держались крестного целования, холопы. Собор уверенно отвечал, что все настраивается. **1613**

На самом деле еда кончалась – все съедал земский съезд, – а до нового урожая нужно было еще дожить. Да и доносы приходили поминутно, что литовские отряды бродят по окраинам, оргпреступность цветет буйным весенним цветом и т. п. Поэтому Михаил дальше поехал очень медленно. Голодные ярославцы времен переименованной оперы, высаженные из «колбасного» поезда Рыбинск – Москва за безбилетность, и то добрались бы по шпалам до ГУМа и ЦУМа резвее. С веселого дня 1 апреля и до 16-го пережидали ледоход, 17-го добрались до Ростова Великого, 19-го двинулись дальше, большинство пешком. 25-го в селе Любимове сели дожидаться больных и отставших. Потом нашли верную причину: 28-го апреля гневно писали в Москву, что, оказывается, в стране никак не снижается уровень преступности, жалобы опять идут со всех сторон. Потом заскандалили, в каких хоромах поселиться, да чтобы к нашему приезду отремонтировать все палаты в Кремле. Бояре из управления делами горько отвечали, что валюты нет, золота нет, лесу сухого нет. Тогда народный избранник велел что-нибудь разобрать на запчасти и из этого построить, что велено.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.